

НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА». ЖУРНАЛ • КУЛЬТУРА

Срок между строк

Кто и зачем раскручивает «Дело издателей»

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

12:48, 20 июня 2025,

Виктория Артемьева

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Наверное, все помнят, как в школе нас учили решать трудные математические, физические и химические задачи, деля исходные данные на три графы: «Дано», «Найти» и «Формулы расчета». Прогремевшее только что «Дело издателей» — первое в России уголовное дело против книгоиздателей, проводимое по новым репрессивным законам, — тоже можно расписать по трем этим частям. В части «Дано» будут перечислены все факты, известные о деле на данный момент, — их пока, к сожалению, не много. «Найти», понятно, требуется логику нарастающего ужесточения репрессий в книжной сфере — и попытаться предсказать, к чему очередной их виток приведет. А вот «Формулы расчета» придется изобретать самостоятельно с нуля — потому что в традиционной России настоящего уже давно не работают никакие законы: ни логические, ни математические, ни физические, ни химические. По крайней мере, в судах и любых силовых структурах, как показывает практика, они точно отменены. И все-таки решить эту трудную задачу мы попробуем — изобретая законы логики заново.

Дано

Когда днем 14 мая сетка телеграм-каналов заполнилась новостями о том, что силовики пришли с обыском в независимый книжный «Карта мира» в Новосибирске, этому мало кто удивился. Ну да, обыск — но ведь недавно с такими же обысками уже приходили в московский «Фаланстер» и питерские «Подписные издания», забрав у того и других несколько десятков книг и даже возбудив административные дела: в отношении «Фаланстера» — о сотрудничестве с нежелательной организацией, в отношении «Подписных» — о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений. В апреле 2024 года изымали книги из лавки музея «Гараж», тогда же обыскали книгоиздателя Василия Кузьмина и забрали около 30

книг кооператива «Напильник», а зимой 2023 года, объявив террористом и экстремистом Бориса Акунина*, зашли в издательство «Захаров». В общем, такие новости успели стать делом, конечно, очень печальным, но привычным.

Непривычное началось потом — когда вечером той же среды выяснилось, что пришли уже не за книгами, а за людьми: как сообщили поначалу, около десяти сотрудников и экс-сотрудников издательств Individuum и Popcorn Books были задержаны. Телеграм полнился слухами из «ВЧК-ОГПУ»*, пока в конце концов об этом не написал и ТАСС. А дальше вы знаете — или, по крайней мере, узнаете из многочисленных хроник, которые почти одновременно выпустили и продолжают выпускать неделю спустя все независимые СМИ. Если делать сводку основных фактов по тому, что технический директор издательства Freedom Letters мгновенно и точно назвал «Делом издателей», то выглядеть она будет примерно так:

- Подозреваемыми по делу стали не десять человек, а — пока — трое: исполнительный директор Individuum и Popcorn Books Дмитрий Протопопов, экс-директор по продажам Павел Иванов и менеджер склада Артем Вахляев; остальные задержанные стали свидетелями по делу.
- Статья, которую им вменяют, — 282.2 УК РФ (части 1, 2, 3) с корявой формулировкой «организация деятельности экстремистской организации».
- Организацией экстремистской деятельности силовики посчитали продажу книг, в которых обнаружили «пропаганду ЛГБТ» (несуществующее движение, которое признано в России экстремистским и запрещено). По словам сотрудников правозащитного проекта «Первый отдел»*, речь идет о десяти young-adult книгах, изданных до принятия закона об ЛГБТ — и главным виновником дела стал бестселлер 2021 года «Лето в пионерском галстуке» Елены Малисовой и Катерины Сильвановой, сюжет которого строится вокруг «нетрадиционных» отношений подростка и вожатого

пионерского лагеря.

- В четверг, 14 мая, в Замоскворецком районном суде им избрали меру пресечения — пока это домашний арест. Максимальное наказание, которое грозит фигурантам, — 12 лет, минимальное — штраф от 300 тысяч рублей.
- Обыски в новосибирском книжном «Карта мира» действительно связаны с делом Indivium и Popcorn Books, но никто из сотрудников магазина не является подозреваемым.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Так выглядит сухая фактурная выжимка — но за фактами, как принято, тут же последовала реакция и конспирология. Как выяснила Русская служба ВВС, к издательству Indivium давно были претензии еще и у «православного олигарха» Константина Малофеева, который тоже подавал на издательство в суд в прошлом году, — правда, не из-за «пропаганды ЛГБТ», а из-за книги журналиста Андрея Захарова*

«Крипта. Как шифропанки, программисты и жулики сковали Россию блокчейном». Роль Малофеева в этой книге — одна из ведущих, и играть ее ему оказалось явно неприятно: он попросил признать клеветой девять фрагментов текста с упоминаниями его имени и уничтожить тираж книги. Дело Малофеев фактически проиграл, но к сегодняшнему дню назвать его закрытым нельзя: идет апелляция. При этом нынешнее «Издательское дело» к иску Малофеева отношения явно не имеет: во-первых, обвинение сейчас выдвинуто совсем по другому поводу, а во-вторых, связь между делами не подтверждает юрист «Первого отдела» Максим Оленичев. В нынешней истории Оленичев склонен видеть скорее апробацию новых цензурных механизмов, пытающихся во всем найти и запретить «пропаганду нетрадиционности» — раньше эти механизмы уже применяли к сотрудникам баров, клубов и турфирм (как было в случае с совершившим самоубийство в СИЗО-5 Андреем Котовым), а теперь переключились на издательский бизнес. И если уж искать связь между задержаниями книгоиздателей и другими делами, то лучше вспомнить о том, что именно Rorsogn стало первым издательством, которое попало под каток после принятия закона о пропаганде ЛГБТ в декабре 2022 года: уже в январе 2023-го против издательства было возбуждено дело — правда, по административной статье (о мелком хулиганстве), но примерно с той же формулировкой, что и сейчас: «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола» (ст. 6.21 КоАП). Тогда инициатива возбудить дело принадлежала другому борцу за традиционность — Александру Хинштейну. Теперь это же издательство снова стало первым — на этот раз первым по уголовному преследованию издателей.

Позже все тот же «ВЧК-ОГПУ» опубликовал новую версию развивающегося сюжета с уголовным преследованием издателей: авторы канала, заявившие, что им «удалось

выяснить ключевые подробности дела», написали, что суть его якобы не в преследовании самих Individuum и Popcorn Books, а в угрозе руководству книгоиздательского холдинга «ЭКСМО», владеющему 51% акций издательств. Ссылаясь на материалы дела, авторы канала написали, что силовики теперь выстраивают версию о «подпольной торговле запрещенной литературой» и что в деле фигурируют «десятки» адресов и контактов книжных магазинов, а среди допрашиваемых есть несовершеннолетние книготорговцы. Максим Оленичев такое изложение событий в разговоре со мной ни подтвердить, ни опровергать не стал, но сказал, что с версией о «подпольной торговле» не согласен:

«Материалы уголовного дела есть только у СК, адвокатов и подзащитных. Неизвестно, откуда «ВЧК-ОГПУ» взял материалы — и это больше похоже на то, что силовики сами дали такую версию событий».

Сотрудники издательства Individuum Павел Иванов и Артем Вахляев в зале суда. Фото: Telegram Суды общей юрисдикции города Москвы

Когда у читателей и книжников прошел первый шок от нового витка репрессий, стало интересно следить за последовавшей реакцией в околосудных кругах. Сначала издательский холдинг «ЭКМО» поспешил откеститься от дела и преследуемых сотрудников: пресс-служба холдинга объявила, что претензии к издательствам на «ЭКМО» в целом не распространяются и вообще холдинг всеми силами сотрудничает со следствием. Видимо, в подтверждение этого

«ЭКМО» в тот же день разослало магазинам-партнерам письмо со списком из 50 книг, которые требовалось либо утилизировать, либо вернуть издателям.

Тут же выпустил крайне нервное заявление и Российский книжный союз: он признался, что озабочен ситуацией», удивлен уголовному преследованию книжников, которое «не являлось до сегодняшнего дня нормой правоприменительной практики», и вообще потребовал выяснить отношения — дать четкий список того, что читать, писать, печатать и хранить нельзя, или договориться о таком списке совместными усилиями.

Эта первая реакция главных оставшихся в стране книжных организаций, бросившихся защищать не своих меньших братьев, а самих себя, была показательной, — но еще показательнее стало то, как отреагировал на «Дело издателей» книжный Z-телеграм: участники этой сетки каналов начали бороться за звание «победителя» в борьбе с содомией. При этом первой «победу» почему-то присвоила себе активистка Ольга Ускова, которая не имела отношения ни к Individuum, ни к Rorscorn, а прославилась доносами на книгу Владимира Сорокина «Наследие», которое издавал другой сателлит «ЭКСМО» — Corpus. Чуть позже «победу» назвал своей уже более близкий к делу, хотя и по касательной, Малофеев. А потом возмущенными «а ниче, что...?!» взорвалась и остальная патриотическая телеграм-сетка. Суть спора, в двух словах, была в том, чей донос оказался эффективнее, — и вот с этого момента вопрос о причинах и механизмах сегодняшней книжной цензуры стал особенно интересным и даже философским.

Формулы расчета

С первых же минут, когда разошлись по Сети новости о задержании книжников, под репостами посыпались комментарии с одним общим смыслом: «театральное дело» уже было, и даже дважды, — теперь будет «книжное». Ассоциация, которая и мне, честно говоря, пришла в голову моментально, в самом деле имеет свою логику: по предыдущим уголовным делам в отношении самых разных людей самых разных

профессий, социальных слоев и возрастов все уже поняли, как сильно наш сегодняшний Третий Рим любит устраивать показательные представления в своем Капитолии. Не обязательно пытаться «пересажать всех» — можно демонстративно посадить одного, и все сферы, к которым он принадлежал, погрузятся в послушное молчание совершенно самостоятельно. Дело Беркович–Петрийчук в этом смысле, понятно, является образцовым — и по исполнению, и по жестокости, и по абсурдности, и по охвату «целевой аудитории». Неудивительно поэтому, что первое, чего небезосновательно испугались все причастные к сегодняшнему книжному миру, — это именно угрозы демонстративной расправы над тремя людьми, которые вообще-то имеют очень отдаленное отношение не только к «подпольной торговле» квир-книгами, но и к их дистрибуции в целом: еще раз повторю, что среди трех обвиняемых один — бывший менеджер по продажам, а второй — завскладом. Домашний арест, который стал пока для всех троих мерой пресечения, к счастью, немного смягчил общую картину: грозившее им СИЗО было бы во много раз хуже, но проблема в том, что решение о содержании их дома совсем не ставит в деле точку. Тем не менее

формула под названием «показательный прецедент» уже сработала: теперь многие пишущие о нем предрекают книжной отрасли — и так чрезвычайно робкой и трясущейся над каждой строчкой — окончательное скатывание в строжайшую самоцензуру.

Думаю, именно этого организаторы процесса и добивались. Как писала в одной из статей о феномене доносов социальный антрополог Александра Архипова*, показательные расправы

создают в обществе «спираль молчания»: даже при отсутствии прямой угрозы лично себе или своему делу человек начинает оглядываться по сторонам с мыслью «как бы чего не вышло». Особенно эффективно этот механизм работает, видимо, в случаях, когда перед глазами оказывается наглядный пример: вот он, точно такой же, как ты, — смотри, что с ним стало, и с тобой мы сделаем то же самое. До сих пор такие наглядные аналогии в сфере российского искусства имелись только у театралов — теперь они появились и у книжников.

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

И второе, чего наверняка добивались организаторы процесса, — это изменение отношения к ним со стороны читающей аудитории и журналистов. Ведь до сих пор — при всем понятном сочувствии к игрокам книжного рынка — цензура в литературной сфере была, в общем, локальной проблемой издателей: да, запретят книгу, отменят презентацию — но ведь читатель все равно всегда найдет способ, как нужную ему книгу

достать и как нужного ему автора послушать. Да, запрещено печатать книги на такие-то и такие-то темы — но автор, тем более в эпоху интернета, всегда найдет, где и как напечататься. Иными словами, до «Дела издателей» цензура в книжной сфере могла вызывать сочувствие — но ее значимость по сравнению с реальными, а не бумажными, человеческими жертвами, погибающими, убегающими от обстрелов или сидящими за решеткой, была небольшой. Теперь, когда система имеет «нулевых пациентов», реально (физически) пострадавших от цензурных мер, отношение к ней волей-неволей придется менять: забывать интонацию иронии и стеба по отношению к мало на что способным ограничителям и переходить на интонацию диктора, читающего сводки потерь.

Еще лет пять назад вряд ли кто-то мог представить себе — особенно, подозреваю, никто из коллег-журналистов, — что книги и вообще сфера культуры станет вдруг настолько остросоциальной темой, какой является сегодня.

Первопричина того, почему она стала таковой, понятна — это источник вообще большинства сегодняшних зол под названием «февраль 2022». Но вот причины того, почему именно сейчас так внезапно и с таким рвением Z-идеологи принялись за когда-то забытую Кремлем книжную сферу, не настолько очевидны. Более общее предположение может заключаться в том, что с каждым спецоперационным годом они все яснее понимают, насколько плохо работает их пропаганда и насколько на самом деле значим на этом фоне свободный круг чтения каждого. Более конкретное и правдоподобное предположение — в том, что именно сейчас книжный рынок после долгих споров и

препирательств переходит под контроль Министерства культуры. О том, чем грозит ему «минкультуризация», уже написано много, — и, в частности, автор «Новой» Карл Рамаль дал этому переходу подробный и печальный прогноз: выйдя из-под контроля Минцифры, приоритетом которого всегда был бизнес, но не идеологический контроль, литература окажется под жестким прессом всевозможных «традиционных ценностей», за продвижением которых Минкультуры станет следить еще более пристально. Как сказал в одном из интервью Феликс Сандалов — бывший руководитель издательской программы Individuum: «Минцифры являлось своего рода либертарианско-технократическим ведомством, которое больше интересовалось темами денежных потоков и стимуляции рынка в целом, а потому допускало определенное самоуправление, в то время как Минкульт, вероятно, будет заниматься непосредственно идеологическим курированием отрасли».

Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

Честно сказать, мое личное мнение долгое время с подобными прогнозами не совпадало: мне казалось — и некоторая уверенность в этом все еще продолжает жить даже теперь, — что подконтрольность ведомству мало что меняет, если предприятие работает в стране, где в целом воцаряется тотальный контроль над словом, тем более печатным. В конце концов, издательства, определявшие свою политику, решавшие, что печатать, а что нет, и так знали о существовании Минкультуры, и проконтролировать «традиционность» той или иной книги можно было, не оглядываясь на то, какому из министерств подчиняется тот, кто ее выпустил. Тем не менее «Дело издателей» многое поменяло не только в отношении к цензуре, но и в акцентах — и теперь утяжеление участи книжной сферы под крылом Минкульта действительно выглядит правдоподобнее.

И все-таки относительно нарастающих оборотов книжной цензуры у меня есть своя гипотеза, которой я рискну здесь поделиться. Дело в том, что при столь богатой мероприятиями культурно-репрессивной программе невозможно не заметить ее самый полноводный источник — то есть доносы бдительных граждан. По крайней мере, именно таковыми представляются пользователи и активные участники сетки «патриотических» тг-каналов, в которых едва ли не ежедневно постятся доносы на те или иные книги, мероприятия, авторов. Именно им книжники (и не только они) обязаны большинством отмен, запретов, проверок, снятий с полок — тем более что процедура написания доноса в последнее время упростилась настолько, что обогнала по степени доступности оплату ЖКХ: всего-то и нужно — выбрать бот и подать сигнал. При этом сами доносчики себя таковыми, конечно, не считают: анонимный канал «Культурный фронт», например, напрямую назвал свои жалобы в адрес «неправильных», с его точки зрения, книг «гражданской позицией по соблюдению закона». Я не утверждаю при этом, что главный катализатор цензурной

политики в России сейчас — это возмущение ширнармасс (надо ведь помнить о том, сколько в этих тг-нармассах ботов и сколько анонимных каналов ведут на самом деле представители спецслужб). И тем не менее роль народа во всем этом преуменьшать явно не стоит. В конце концов, онлайн-грызня, разгоревшаяся в этих каналах на второй день после начала «Дела издателей», была спровоцирована явно живыми людьми: теми, кто действительно считает эффективный донос победой, а себя — борцом за правду, и искренне соревнуется за пальму первенства в этой борьбе.

Правда, в этом смысле патриотическая онлайн-тусовка оказалась не столь гармонично-однородной, как можно было бы ожидать: конкурс на самый эффективный донос показался падением ниже плинтуса не только следящим за ним со стороны блогерам и журналистам, но и некоторым «зетникам» — и это спровоцировало новый виток грызни. Убежденные борцы с ЛГБТ оказались склонны обвинять во всем не отдельные маленькие издательства-сателлиты, а «ЭКСМО» целиком — а те, для кого все снова оказалось не так однозначно, робко возразили борцам с ЛГБТ, что не стоит грести всех одной гребенкой, и вообще, прав РКС, уголовное преследование — это уже чересчур (тонкость здесь заключается в том, что многие «патриотические» писатели и поэты сами печатаются в «ЭКСМО»).

Как бы там ни было, в целом Z-реакция на «Дело издателей» громко заявила о тренде: донос перестал быть чем-то постыдным и перешел в разряд достижений народного хозяйства. Само по себе это явление не новость — история знает примеры возвеличивания доносчиков (самый яркий, конечно, Павлик Морозов). Но вот новый расцвет доносительства, которому, повторяю, цензура многим обязана, — это явление социально интересное. Самое правдоподобное объяснение тому, откуда этот расцвет взялся, мне кажется, в том, что донос стал единственным работающим инструментом, с помощью

которого граждане страны реально могут участвовать в жизни этой страны. Все прочие инструменты — любые голосования, гражданские инициативы, опросы — давно перекрыты и запрещены. А вот доносительство — это тот последний рычаг, на который можно надавить и по-настоящему что-то изменить, тот канал, благодаря которому твой голос и в самом деле будет услышан, и более того — на него даже отреагируют. Иными словами, донос стал последним инструментом, благодаря которому забытое и заглушенное население еще может почувствовать собственную значимость для государства. Если смотреть на явление под таким углом, доносчиков это, конечно, не оправдывает, но глубину и трагизм процессу придает — и заодно многое объясняет.

И если попытаться подвести какой-то промежуточный итог всему, что известно на сегодня о далеком от завершения — и явно претендующем на историчность — «Деле издателей», то с определенностью можно сказать пока только одно: это дело, конечно, породит очередную волну страха и тревоги и в книжной среде, и в обществе, которое и так уже захлебнулось во всевозможных угрозах и фобиях. И даже если — а мы будем надеяться, что так и будет, — дело останется в том состоянии, в котором застыло сейчас, и фигуранты отделаются домашним арестом и штрафами, психологические и самоцензурные последствия его все равно будут крайне разрушительными. Потому что, как сказала все та же Александра Архипова, «страх унижает сильнее, чем реальное наказание».

Этот материал вышел в восьмом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

*Минюст считает «иноагентами».

**Движение признано экстремистским и запрещено.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[«Дело издателей»: WEX и лето в галстукe](#)

Андрей Захаров*: «Клевету по «Крипте» доказывать муторно, а для дела по ЛГБТ** — всегда зеленый свет»

11:49, 21 мая 2025, Олег Ролдугин